

К. С.
АКСАКОВ

Узбранное

Константин Аксаков

**Богатыри времен великого князя
Владимира по русским песням**

«Public Domain»

1856

Аксаков К. С.

Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням /
К. С. Аксаков — «Public Domain», 1856

ISBN 978-5-457-05695-4

«Так говорит летопись о великом князе Владимире. Эта приветливая, пиршественная сторона его жизни перешла в народные песни. Владимир удержался в памяти народной, как радушный, ласковый хозяин, к которому всё собиралось на пир, не только изо всего Киева, но и со всех сторон русской земли. Владимир созывал «старейшины по всем градом и люди многы», говорится в другом месте летописи, и отовсюду ехали к нему гости...»

ISBN 978-5-457-05695-4

© Аксаков К. С., 1856
© Public Domain, 1856

Содержание

Великий князь Владимир	11
Добрыня Никитич	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Константин Сергеевич Аксаков

Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням

1

«...Се же паки творяще людям своим по вся недели; устави на дворе в гриднице пир творити и приходити болярам и гридем и съцьским и десяцькым и нарочитым мужем, при князе и без князя: бываше множество от мяс и от скота и от зверины, бяше по изобилию от всего»².

Так говорит летопись о великом князе Владимире. Эта приветливая, пиршественная сторона его жизни перешла в народные песни. Владимир удержался в памяти народной, как радушный, ласковый хозяин, к которому всё собиралось на пир, не только из всего Киева, но и со всех сторон русской земли. Владимир созывал «старейшины по всем градом и люди многы»³, говорится в другом месте летописи, и отовсюду ехали к нему гости. – Нераздельно с его пирами соединено сказание о славных богатырях, о могучих гостях Владимира, сказание, удержанное народом и сохраненное им в полнейшем и подробнейшем виде, чем в летописи; летопись упоминает только об Александре Поповиче, Рахдае, о разбойнике Могуте, об Яне Усмошвце. Но песни говорят о многих других. – Итак, великий князь Владимир, добрый и ласковый, гостеприимный и пирующий, постоянно окруженный гостями и богатырями, пришедшими со всех сторон русской земли, соединяющий всех их около себя и всех радующий приветом и празднеством, – живо остался в памяти и песнях народных с постоянным эпитетом своим «красное солнце», эпитетом, в котором выражается благотворное и вместе всерусское значение великого князя Владимира. В самом деле, с мыслью о нем соединена мысль о все собирающем вокруг себя и во все стороны простирающемся жизненном начале, о том истинном начале жизни, которое даруется православною христианскою верою.

Обратимся теперь к самим песням; скажем наперед, что здесь дело будет идти не об историческом, а о сказочном и песенном Владимире и вообще о целом сказочном мире той эпохи. Но этот сказочный мир также очень важен и состоит в непрерывной связи и с историческим, он показывает, как взглянул на человека или дело народ, что поразило народную память и воображение.

Предания о богатырях и времени Владимировой находятся в песнях и сказках, отчасти изданных, отчасти записанных, а отчасти живущих только в устах народа. Из всех изданных сборников русских песен самый замечательный – это сборник, означенный именем Кириши

---

¹ После того, как была написана эта статья о богатырях великого князя Владимира, появилось в печати много песен, относящихся к этой же эпохе и к тем же лицам, песен, помещенных большею частью в «Известиях Академии» (К. Аксаков не совсем точен. Упоминаемые им песни (былины) были опубликованы в «тетрадах» – приложениях к «Известиям имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности», которые имели самостоятельное название «Памятники и образцы народного языка и словесности. Издание II Отделения имп. Академии наук». В первых двух «тетрадах» (Спб., 1852–1853) было помещено 13 былин, в том числе об Илье Муромце, Алеше Поповиче, Добрыне Никитиче и других богатырях.). Песни эти в высшей степени важны и занимательны; они содержат много новых подробностей о богатырях, известных уже, и дают сведения о некоторых новых. С удовольствием можем мы сказать, что очерки богатырей, сделанные нами в нашей статье, подтверждаются и дополняются вновь напечатанными песнями. Но количество этих песен и самая важность их содержания не позволяют нам делать краткие на них указания. Вместо того, мы надеемся, выждав, пока появится еще больше песен, написать об них целую особую дополнительную статью, где постараемся отдать полный отчет о их достоинстве и содержании. Цель этой статьи не есть исследование или рассуждение о богатырях, а только изложение, возможно полное и стройное, богатырских песен а характеристика богатырей.

² Летопись Нестора (Цитата из «Повести временных лет»: «Въ льто 6504... – см.: Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М» 1978, с. 140.).

³ Там же.

Данилова⁴, которое мы за ним и удержим. Он служит главным источником всех сведений наших по части песен о богатырях и времени Владимировой.

Общая поэтическая словесная форма этих сказаний о богатырях есть песня. Но русская наша песня – такая стихотворная форма, которую сами мы еще недовольно себе объяснили. Наша русская песня (т<о> е<сть> народная) не есть определенное стихотворение и не имеет определенного метра, отделяющего ее от прозы. Между русскою прозою и русским стихом нет ярко проведенного рубежа, как то встречается у других народов. Отдельной, заранее готовой стихотворной формы, в которую можно было бы отливать слова, – нет у нас. Слово само должно отделяться от обыденной речи непозитической, называемой прозою, и давать себе прямую гармоническую форму, доходить до стиха; так что процесс образования поэтической речи или стиха совершается тут же, и стих возникает из прозы, как скоро поэтическая сила вдохновения подымает слово. Заранее готовой, условной формы стихотворения мы не имеем: но зато мы имеем живое стихотворное слово. Поэтому нельзя найти ровных рамок для русской песни, поэтому нельзя писать русскими стихами (хотя это выражение употребляется писателями), ибо заранее известных форм этих стихов не существует. Надо в самом деле одушевиться гармонией мысли и слова, в самом деле стать поэтом на ту минуту, и слово примет гармонический изящный стихотворный вид; без того поэтическое слово человеку не дастся, как дается оно при определенных размерах, наводнивших из чужих стран нашу литературу и расплодивших такое множество стихотворцев. В пример сказанного нами о вдохновенности живого русского слова можем привести грамоту Гермогена⁵, где, говоря о том, как свели царя Василья с престола, он выражается:

Солгалось про старых то слово,
Что красота граду старые мужи.

В этих строках уже слышен размер – слышна гармония самого слова, и мы нарочно написали их стихами. Подобных примеров довольно в наших грамотах.

Богатырские песни, очевидно, принадлежат к древнему периоду нашей истории; вероятно, были они петы если не при самом Владимире, то вскоре после него. Язык и строй этих песен различается во многом от песен новгородских или от песен Иоаннова времени; при сравнении их живо чувствуешь, что песни Владимировы древнее и по содержанию, и по изложению. Время, конечно, имело на них свое действие, оно нанесло многое на них, и многое прилипло к ним; встречается много анахронизмов, но объяснить их нетрудно. Народ, продолжая петь старые песни о битвах богатырских с врагами, был тревожим новыми врагами, вызывавшими его на новые битвы. Образы этих новых врагов заменяли в его воображении образы врагов древних. Так татары заступили в песнях место печенегов и казар⁶; так вольное и радостное положение великого князя киевского Владимира, сохраняющееся в песнях, смущается последующими отношениями князей русских к Орде. Орда, в песнях, каким-то чудом зашла в мир и эпоху Владимира, но зато видим и понимаем ясно несообразность ее присутствия здесь; как странно противоречит ясному светлому небу того Владимирово мира эта черная, неизвестно откуда взявшаяся и пугающая туча. Об Орде, впрочем, говорится не везде, но любопытны такие следы дальнейшего хода истории на древних песнях. – Одни стихи особенно живо передают весь ужас татарского нашествия; вот они:

---

⁴ Имеется в виду кн.: Древние российские стихотворения, собранные Киршеном Даниловым. Изд. 1-е. Спб., 1804; изд. 2-е. Спб., 1818. В дальнейшем – «Сборник» Кирши Данилова.

⁵ Гермоген (ок. 1530–1612) – патриарх Московский и всея Руси. Имеется в виду Василий Иванович Шуйский (1662–1612) – избранный царем 19 мая 1606 г. и свергнутый 17 июля 1610 г.

⁶ Козары (хазары) – одно из кочевых племен, живших в VII–XI вв. на территории между Азовским и Каспийским морями.

Да из Орды, Золотой земли,
Из тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин-царь Калинович,
Ко стольному городу ко Киеву,
Со своею силою с поганою; —
Не дошед он до Киева за семь верст.
Становился Калин у быстра Днепра;
Сбиралось с ним силы на сто верст
Во все те четыре стороны!
Зачем мать сыра земля не погнется.
Зачем не расступится?
А от пару было от кониного,
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видит луча света белого.
А от духу татарского
Не можно крещенным нам живым быть⁷.

Кроме следов общих исторических событий, отдельные понятия и сведения, приобретаемые с течением времени, примыкают к этому самородку народной поэзии. Так, сюда входят названия черкес пятигорских, долгополой сорочины, чукчей, алютор⁸ (не лютеран, как думали; но так называется и теперь сибирский народ). Так, после копья мурзамецкого, после аравитского золота являются железа немецкие, и наконец говорится о немецких трубках, об игре в шахматы, которая, впрочем, может быть и давно была известна в России; Илье Муромцу часто придается название козака: очевидно, нарост от козацкой эпохи. Что касается до собственных имен, то многие, без сомнения, заменены именами позднейшими. Настасья, Афросинья королевичны, король Золотой Орды Этмануйл (вероятно, Эммануил⁹) Этмануйлович и проч., и проч., – все это, вероятно, называлось иначе, но самые эти несообразности скорее доказывают древность и подлинность произведения, тем более что они имеют характер исторический; испытующее созерцание отделяет все, неловко приставшее к древним песням; эти позднейшие наросты доказывают только, что песни продолжали петься и в позднейшее время.

При неверностях, которые могут назваться историческими, богатырские песни во многих случаях удивляют своею исторической верностью, показывающей также древнюю их подлинность. Не говорим уже о том, что пиры и богатыри Владимировы имеют за себя ясное историческое свидетельство; есть и другие, более частные сходства с историей. Так, в песнях говорится о Чуриле, как об изнеженном волоките, живущем недалеко от Киева, пониже малого Киевца; место близ Киева и в позднейшие времена называлось Чуриловщиной, и если принять, что малый Киевец значило Подол, то местоположение является верно определенным. Говорится, напр<имер>, о Ставре боярине из дальней земли, который был заключен Владимиром в темницу в Киеве; жена его зовется Василисою Микулишною; последнее

---

⁷ Здесь и далее К. Аксаков цитирует тексты былин и песен в своей редакции. Разночтения с современными изданиями «Сборника» Кирши Данилова нами нигде не оговариваются.

⁸ Сорочины – сарацины; сарацинами в средние века называли арабов. Долгополые сорочины – имеются в виду вообще народы Ближнего Востока, характерной одеждой которых были длинные («долгополые») халаты. Алюторы – по-видимому, имеются в виду алюторцы, одна из наиболее многочисленных народностей коряков, в настоящее время живущих на севере Камчатки.

⁹ Впрочем, имя Эммануил, кажется, указывает на наши сношения и столкновения с Цареградом.

слово ясно указывает на Новгород, где вместо Никола говорилось Микула. В летописи Новгородской мы находим, что Ставр, сотский новгородский, был заключен в темницу в 1118 г., в Киеве, Владимиром же, только не Великим, а Мономахом. В хронологической перспективе времен народ принял двух Владимиров в этом случае за одного, но историческое основание здесь ясно видимо.

Этот сказочный мир дней Владимировых является в отдельных песнях о том или другом богатыре или знаменитом муже, о том или другом подвиге или событии; утвердительно можно сказать, что эти песни не дошли до нас во всей полноте; иная песня, очевидно, представляет отрывок, иная намекает на события, неизвестные нам, и дает чувствовать, что была, может быть, целая эпопея, теперь утраченная в своей целостности. Но во всяком случае, видно и теперь, что все эти рассказы составляют одно живое целое; они соединены между собой не одним каким-нибудь великим событием, собравшим людей около себя, – а жизнью, единством жизни; это целый мир, движущийся и играющий одною жизнью, весь ею проникнутый. Таким образом, перед нами эпопея особого рода, согласная с самим существом русской земли. Мы не видим в ней могущественно движущегося вперед события, не видим увлекающего хода времени; нет, – перед нами другой образ, образ жизни, волнуемой сама в себе и не стремящейся в какую-нибудь одну сторону; это хоровод, движущийся согласно и стройно, – праздничный, полный веселья, образ русской общины. – Этим духом проникнуто, этим образом запечатлено все, что идет от русской земли; такова сама наша песня, таков напев ее, таков строй земли нашей. Если говорить о сравнениях, то не река, текущая куда-нибудь в своих берегах, может служить нам эмблемой, а волнующийся, со всех сторон открытый, безбрежный океан-море. Таков в особенности мир Владимировых песен; в этом мире играет и тешит себя молодая, еще никуда событиями не направленная сила. Пирывы Владимировы давно прошли; грозным испытаниям подверглась богатырская русская сила, но она не сокрушилась, она просторно раздвинула себе границы и пугает не хотя своих соседей. Широко раздолье по всей земле, некогда сказала она, и недаром, – по трем частям света раскинулась Россия. Но далеко еще не кончились подвиги русской силы; не только материальные, но и нравственные подвиги предлежат ей.

Теперь обратимся к народной нашей эпопее... и вот, властью народного долговечного слова, перед нами возникают во всей своей жизни: Киев, пиры бесконечные и могучие витязи, собравшиеся вокруг великого князя Владимира.

Много их сидит на богатырской скамье; не по аристократическому праву породы занимают они это почетное место. Аристократическое понятие, образовавшееся на Западе рыцарством, не существовало в древней Руси. На богатырской скамье сидит и Ставр, богатый боярин, и Алеша, сын попа, и Иван, сын гостя (купца), и наконец Илья Муромец, крестьянин. Всем им ровный почет. Двор князя Владимира всегда открыт: на дворе его княжеском врыты дубовые столбы, в столбы ввернуты булатные кольца. Приезжает богатырь, привязывает ретивого коня к булатному кольцу, потом идет в светлую гридню, молится Спасову образу, кланяется князю со княгинею и на все четыре стороны. – Этот последний, общественный, всем равный, поклон, невольно рисуящий множество народное, удержался и донныне. Великий князь спрашивает богатыря о роде и племени, велит поднести или сам подносит турий рог меду сладкого. Богатырь выпивает, садится на богатырскую скамью и пирует. Среди пиროвания, в тот час, как будет день в половину дня, будет пир в полупире, Владимир-князь распотешится, ходит по своей гридне, расчесывает черные кудри и предлагает подвиги богатырям. Один из них вызывается, выпивает подносимую чашу, и тогда:

Разгоралася утроба богатырская,
И могучие плечи расходились.

Богатырь едет в дальний путь, на трудный подвиг и прославляет вновь свою богатырскую силу.

Вот общий очерк событий, конечно, различных между собою, нашей народной эпопеи, но содержание ее, как мы сказали, лежит не в событиях, а в жизни самой. Теперь постараемся определить общий характер нашей эпопеи.

Праздник, пир – составляет колорит Владимировых песен; но этот пир, как и вся жизнь, имеет христианскую основу. Христианство есть главная основа всего Владимирова мира. На этой-то христианской основе является богатырская сила и удаля молодого, могучего народа. – Эти пиры, эта жизнь имеет и всерусское значение; видим здесь собранную всю русскую землю, собранную в единое целое христианскою верою, около великого князя Владимира, просветителя земли русской. Радость, проникнувшая жизнь, после возрождения Христовым учением, является, как праздник, как постоянный братский пир (это особенно ясно из слов летописи). Богатыри, бояре, купцы, крестьяне и всякие гости съехались в Киев со всех сторон. Из Ростова Великого – Алеша Попович и Еким Иванович, из Галича – Казарин Петрович и Дкж Степанович, с юга России – Дунай сын Иванович; Добрыня Никитич – родом из Рязани (по песням); из Великого Новгорода – Ставр-боярин; Чурила – из-под Киева; наконец, из Муромца – Илья Муромец Иванович; о родине других говорится неясно. Могучий, пирующий хор богатырей в то же время хранит землю русскую от врагов и хищников.

Женщины принимают деятельное участие в этой громкой жизни подвигов. Они часто также носят кюяки¹⁰, панцири, кольчуги, также выезжают в поле искать бранных опасностей. Сила их иногда не уступает мужской. Такова Настасья-королевишна, на которой женился Дунай, сестра Афросиньи-королевишны, супруги великого князя Владимира, отличавшейся влюбчивым сердцем. Такова жена Ставра-боярина Василиса Микулишна (Николаевна). Прибавим, в дополнение к этой мужественности женщин, образ, совершенно русский, Царь-девицы; вспомним предания об амазонках, о чешской Власте¹¹, и все это вместе, утверждая за славянской женщиной независимость и равные права с мужчиной даже в ратном деле, совершенно уничтожает тем самым всякую мысль о рабстве или угнетении женщин у славян.

Отношения богатырей к великому князю почтительны, но неподобострастны; они вольно собрались вокруг него, зовут его красным солнцем, солнцем киевским, охотно служат ему службы; но ни в чем не выражается униженное их отношение к великому князю.

Битвы и подвиги, свадьбы и пиры составляют внешний строй этой жизни, в которой слышится воля и приволье. Но весь этот шумный мир, еще много хранящий в себе следов недавнего язычества, проникнут уже, как сказали мы выше, лучами Христовой веры. Таким образом, первое и главное, что выдается из этого мира Владимировых песен, – это христианская вера; она постоянно и всюду основа жизни; особенно слышится это в песне о Калинцаре, особенно видится даже и в сказочном образе Ильи Муромца, причтенного в действительной жизни нашей церковью к лику святых. Все богатыри – православные, и постоянно повторяется богатырское присловие, когда приезжает православный витязь к неправославному государю:

Нету у тя Спасова образа,
Некому у тя помолитися, —
А и не за что тебе поклонитися.

---

¹⁰ Кюяк – доспех из кованых металлических пластинок, нашитых поверх одежды.

¹¹ Амазонки – женщины-воительницы, героини античной мифологии; Чешская Власка, или Власта – легендарная предводительница чешских девушек в их войне с мужчинами (см. древнечешское предание о девичьей войне).

Вместе и согласно с началом христианской веры выдается начало семейное, основа всего доброго на земле. Богатыри почтительны к отцу и матери. Так Добрыня, отправляясь на трудный подвиг, просит благословения у матери; так заступает за мать Горден, так с родительским благословением едет на подвиги Илья Муромец. Но особенно ярко проявляется то же начало в позднейшей песне новгородской об удалом Василье Буслаеве; Василий со своей дружиной перебил почти весь Новгород в заранее условленной с ним схватке; тогда мужики (мужи) новгородские идут к его матери просить защиты, она посылает за сыном девушку Чернавушку, та идет, схватывает Василия за руки и тащит к матери, которая сажает его за замки и затворы. Как бы ни старались в слове «тащить» найти другой смысл, отношения сыновние Василия к матери очевидны. Итак, сила богатырская является у нас, осененная чувством православия и чувством семьи: без чего не может быть истинной силы.

Теперь поговорим о самих богатырях в отдельности.

Каждый из богатырей имеет свою особенность, свой определенный, живой, вполне художественный образ, проведенный верно сквозь все песни, где только об нем говорится. Взаимные их отношения очерчены довольно ясно, даже и в том виде нашей эпопеи, в каком дошла она до наших времен, но некоторые намеки дают право думать, что эти отношения должны быть еще живее и определеннее.

Люди, о которых упоминают Владимировы песни, суть следующие: великий князь Владимир, Добрыня Никитич, Чурила Пленкович, Алеша Попович, Иван Гостиной сын, Иван Годинович, Горден Влудович, Дунай сын Иванович, Поток Михайло Иванович, Дюк Степанович, Соловей Вудимирович, Михайло Казарин, Ставр-боярин, Вермята Васильевич, старый боярин, Данило Ловчанин, Данило Игнатъевич и сын его Иван Данилович, Илья Муромец, Дмитрий, богатый гость, Гришка Долгополый, боярский сын, Путятин Путятювич, наконец сорок калик со каликою. Упоминаются однажды: Самсон Колыванович, Сухан сын Домантьевич, Святогор, Полкан, семь братьев Сбродовичей, мужики Залешане (Заолешане), два брата Хапиловы. Из враждебных лиц: король Золотой Орды Этмануйл Этмануйлович, король Задонский, Калийцарь, Змей Горыныч, Тугарин Змеевич, Збут Ворис-королевич. Женщины: княгиня Афросинья и сестра ее Настасья-королевишна, Марина Игнатъевна Блудова жена, Чесова жена, жена Добрыни Настасья Дмитриевна, грозная Настасья Никулишна, Василиса Микулишна и другие.

Поговорим прежде всех о том, около которого собрались все эти славные богатыри и гости, о великом князе Владимире; повторяем, что мы говорим не об историческом, а о сказочном и песенном Владимире.

Великий князь Владимир

Святое крещение, принятое великим князем Владимиром, христианское значение, которое приобрел он для Руси и православия, вытеснило из памяти народной прежнюю языческую жизнь его; народ удержал в своей памяти лишь обновленного христианским учением князя, и хотя в песнях не имеет он ни величавого, ни строгого вида, но зато в нем не встречается и следов языческой жизни. В песнях ни слова не говорится о том женолюбии, которое обладало Владимиром до принятия св<ятого> крещения. В начале песен Владимир является холостым и женится на Афросинье-королевишне, дочери Этмануйла Этмануйловича, короля в Золотой Орде, как говорится в песне. Вероятно, здесь речь идет о византийском императоре, но Орда, как туча, облегшая русскую землю, заслонила от нее все окрестные страны, так что всякий иностранец, тем более всякий враг, становился в наших песнях ордынцем после нашествия татар.

Владимир в песнях не одарен богатырской силой, не имеет даже храбрости, часто смущается и пугается перед бедою; в особенности страшен ему грозен посол из Орды, – одним словом, образ его в песнях вовсе не величав. Но зато образ этот вполне добродушен, но зато привет и ласка – его неотъемлемые качества. Добрая душа греет людей, и страшно-могучие богатыри Владимира, от подвигов которых он иногда не знает сам куда деваться, любят его, служат ему охотно и зовут «красное солнышко, ласковый Владимир-князь!» Постоянно радушный и ласковый хозяин, Владимир является, в песнях, почти всегда на веселом пиру со своими гостями. Большая часть песен начинается так:

Во стольном городе во Киеве,
У славного князя Владимира,
Было пированье, почестный пир.
Было столованье, почестный стол.
На многи князи, бояра,
И на русские могучие богатыри,
И гости богатые.
Будет день в половину дня;
Будет пир во полупире;
Владимир-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает.

Таков Владимир, но не такова его супруга. Она влюбчива и сластолюбива: лицо совершенно вымышленное. В рассказах о богатырях мы увидим ближе Владимира и супругу его.

Добрыня Никитич

Самое название Добрыня уже обрисовывает нрав этого богатыря, – и точно, доброта и прямодушие – его отличительные свойства. Добрыня – дядя Владимира по летописям и племянник его по песням. В детстве Добрыня пошел купаться на Израй-реку, там унес его Змей Горынчище и хотел сожрать, но Добрыня убил змея, зашел в его пещеру, перервал пополам его детенышей и освободил тетку свою Марью Дивовиу, сестру князя Владимира. Позднее, Добрыня постоянно служит великому князю Владимиру как один из самых могучих и надежных богатырей. Песня говорит, что

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова, осударь, князя Владимира,
Три года Добрынюшка стольничал,
Три года Никитич приворотничал.
Он стольничал, чашничал девять лет,
На десятый год погулять захотел.

Гуляя по улицам киевским, Добрыня выстрелял из лука по голубям, сидевшим под косящатым окном на тереме Марины Игнатьевны.

А вспела ведь тетивка у туга лука,
Взвыла да пошла калена стрела.

Но поскольку левая нога, дрогнула правая рука, не попал он в голубей, а попал в окошко, расшиб зеркало стекольчатое, пошатнулись белодубовые столы, плеснулись питья медвяные. Марина умывалась в это время, сильно разгневалась и, чтобы наказать Добрыню, взяла его следы молодецкие, положила на огонь вместе с дровами и приговаривала, чтобы так же разгоралось сердце у Добрыни Никитича. Приговор подействовал: хлеба не ест и не спит Добрыня. Рано поутру пошел он к заутрене и оттуда пошел на широкий двор к Марине, там увидел он Змея Горынчища (следовательно, Змей ожил, как ту же способность имеет и Тугарин Змеевич) и

Тут ему за беду (*обиду*)¹² стало.

Добрыня взбежал на красное крыльцо, ухватил бревно в охват толщины, взбежал на сени косящатые. Марина и Змей подняли брань и угрозы на Добрыню, но Добрыня выхватил свою саблю¹³, и Змей побежал, поджавши хвост, не слушая слов Марины, его удерживавшей. Но Марина в гневе обратила Добрыню в гнедого тура и пустила его далече во чисто поле к девяти другим турам, тоже превращенным богатырям:

Что Добрыня им будет десятый тур,
Всем атаман – золотые рога.

---

¹² Здесь и далее в скобках и курсивом отмечены пояснительные слова К. Аксакова. – Прим. ред.

¹³ В песнях везде употребляется сабля, а не меч; эта замена, вероятно, следствие козацкого влияния или вообще времен позднейших. Оружие древних славян был меч. Когда козары пришли войною на полян и потребовали дани, то поляне дали от дыма меч. Не добра эта дань, князь, сказали своему князю козары, мы деремся оружием острым с одной стороны, т<о> е<сть> саблями, а их оружие обоюду остро, то есть меч. (П<олное> с<обрание> р<усских> л<етописей>. Т. 1, стр. 7.)

Пропал без вести Добрыня Никитич, но на пиру у князя Владимира расхвасталась Марина своей мудростью и разболтала, что обратила девять богатырей и десятого Добрыню в гнедых туров. Слушали эти речи *похваленые* и мать Добрыни Афимья Александровна, и крестная мать его Анна Ивановна. Видя горесть матери и сама раздраженная похвальбою Марины, Анна Ивановна кинулась на Марину, сбила с ног и била, приговаривая, что она мудренее ее, что она обернет ее сукою:

Женское дело прелестивое,
Перелестивое, перепадчивое.

Марина обернулась касаточкой, полетела в чистое поле, села к Добрыне на правый рог и говорит ему:

Нагулялся ты, Добрыня, во чистом поле,
Тебе чистое поле наскучило
И зыбучие болота напрокучили.
Хочешь ли жениться, возьмешь ли меня?

«А право, возьму, ей-богу, возьму, – отвечает Добрыня, – да еще дам тебе поученьице». Обернула Марина Добрыню опять добрым молодцем, сама обернулась девицею; венчались они вокруг ракитова куста – указание на языческий обычай, за которым следовало (как видно из песен) и настоящее христианское венчание. Добрыня, может быть с намерением, или остается только при одном языческом обычае, или не спешит христианским венчанием. Пришел Добрыня вместе с Мариной в ее терем и говорит: «Гой еси, моя молодая жена, у тебя в тереме нет Спасова образа,

Некому у тя помолитися,
Не за что стенам поклонитися.
Чай моя острая сабля заржавела».

Сказав это, начал Добрыня учить свою жену. Первое ученье – отрубил ей руку, приговаривая: «Не надобна мне эта рука, трепала она Змея Горынчища», – потом, также приговаривая, отрубил ей ногу, наконец и голову с языком, сказавши:

А и эта голова мне ненадобна,
И этот язык мне ненадобен;
Знал он дела еретические.

Такая строгая казнь, совершенная с полным спокойствием Добрынею, не может служить определением его нравственного образа и кидать на него теиь обвинения в жестокости. Это обычай всех богатырей того времени; будучи не личным делом, а обычаем, подобный поступок лишен злобы и свирепости, вытекающих уже из личного ощущения. Где постоянно играют палицы, копья и стрелы, там главное дело подвиг, а жизнь становится делом второстепенным, и большего уважения к ней не оказывается. Надобен уже личный подвиг духа, чтобы возвыситься над воззрением, зависимым от своего времени, к истине воззрения, независимого ни от какого времени. Добрые и прямые, но часто суровые, богатыри все подчинены своему времени, в нем ходят и действуют. Один из них стоит выше всех их, и по силе руки, и по силе духа, один возвышается над удалым временем разгула силы физиче-

ской, один как можно реже прибегает к ней, один вполне щадит жизнь человека и вполне благодушен и кроток – это крестьянин, богатырь Илья.

Что поступок Добрыни с Мариною и другие в подобном роде не мешают ему быть добрым – в доказательство тому служит песня об нем и Василии Казимировиче, помещенная в 1 томе «Московского сборника». В этой песне великий князь Владимир посылает Василия Казимировича отвезти дани и пошлины к Батыю-царю (позднейшая вставка). Батый-царь, не обращая внимания на принесенные дани и пошлины, спрашивает у Василия Казимировича: «Нет ли с ними умильна (умельца от слова: уметь) игрока поиграть в тавлеи вальящатые¹⁴?» Добрыня садится играть с царем и скоро выиграл игру. Тогда царь Батый предлагает бороться с его татарами; Добрыня опять выходит; против Добрыни три бойца татарина. «Батый царь, – говорит Добрыня, – как прикажешь ты мне бороться: со всеми ли вдруг, или по одиночке?» – «Как хочешь, так и борись», – отвечает царь. Добрыня всех трех бросил о землю. Тогда Батый предлагает стрелять из лука. Добрыня опять выходит; Батый велит принести лук, Добрыня натягивает, лук ломается, Добрыня требует свой дорожный лук. Натянув его, он спрашивает: «Царь Батый, куда стрелять, по татарам или в чистое поле?» – «Куда хочешь», – отвечает царь. Но если царю Батыю все равно, то Добрыне не все равно; ему жалко стало стрелять по татарам, и он выстрелил в чистое поле по дубу. Стрела расшибла дуб:

Еще стрела не уходилася,
Залетела в пещеру белокаменную.
Убила змия троеглавого.
Скочили ребята на добрых коней,
Не дали ребята ни дани, ни пошлины;
Уезжали ребята в стольный Киев-град¹⁵.

Мы видим здесь, что Добрыня щадит жизнь неверных врагов, хотя сам их царь дает ему позволение стрелять по ним.

Однажды на пиру, во полупиру, распотешился Владимир и сказал: «Не может ли кто из богатырей очистить дорогу прямоезжую до его любимого тестя, грозна короля Этмауула Этмануиловича?» – Для этого надобно вырубить чудь белоглазую, прекротить (укротить или уничтожить) сорочину долгополую, черкес пятигорских, калмыков с татарами, всех чукчей и алютор.

Втапоры большой за меньшего хоронится,
А от меньшего ему, князю, ответа нет.

Из скамьи богатырской выступает Добрыня Никитич.

Гой еси, сударь ты мой дядюшка,
Ласково солнце, Владимир-князь!
Я сослужу службу дальнюю,
Службу дальнюю, заочную.

---

¹⁴ Тавлеи, – шахматы, шашки; узорчатые – резные, точеные.

¹⁵ «Московский сборник», т. 1, стр. 336–341. Слово *ребята* не употребляется о богатырях у Кирши Данилова, там оно значит *дети, сыновья* (Это пояснение вызвано тем, что, цитируя «Песню про Ваську Казимировича», К. Аксаков заменяет в ней слово «ребята» на «ребята»). – Следующая песня о Добрыне из «Сборника» Кирши Данилова.

Добрыня берется все исполнить, выпивает поднесенную ему чару зелена вина в полтора ведра и турий рог меду сладкого в полтретья ведра и идет к матушке просить благословения великого. «Благослови меня, матушка!» – говорит он ей, —

Дай мне благословение на шесть лет.
Еще в запас на двенадцать лет.

Мать говорит ему, – как хороши ее простые слова:

На кого покидаешь ты молодую жену,
Молодую Настасью Никулишну?
Зачем же ты, дитяtko, и брал за себя?
Что не прошли твои дни свадебные,
Не успел ты отпраздновать радости своей, —
Да перед князем расхвастался в поход идтить.

«– Что же мне делать и как же быть, сударыня матушка, – отвечает Добрыня, – из чего же нас богатырей князю и жаловать?» Мать дает ему свое благословение великое. Добрыня идет прощаться с молодой женой:

«Жди меня, Настасья! шесть лет, —

говорит он ей, – не дожدهшься, – жди двенадцать, потом иди, хоть за князя, хоть за боярина, —

Не ходи только за брата названного,
За молодого Алешу Поповича».

И поехал Добрыня. Ездит неделю, ездит другую и делает свое дело; рубит чудь бело-глазую, сорочину долгополую к прочим:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.